

Игорь Карпов

Исход фараонов

Тайны Моисеева Исхода

12+

Игорь Карпов

**Исход фараонов (тайны
Моисеева Исхода)**

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Карпов И.

Исход фараонов (тайны Моисеева Исхода) / И. Карпов —
«ЛитРес: Самиздат», 2001

Статья посвящена тайнам знаменитого Исхода из Египта под водительством Моисея. Кем был сам Моисей, какова его связь с культом бога Осириса, и в чём заключался высший смысл Исхода?

Игорь Карпов

Исход фараонов (тайны Моисеева Исхода)

Солнце не приветствовать нельзя!
Солнцу нужно радоваться громко!
И тогда небесная стезя
Вас одарит памятью потомков.

Моисей – седая голова,
Знал, что Солнце любит ясность стилия.
Тот, кто скажет нужные слова,
В сей же час становится Мессией...

В Шарм-эль-Шейкхе очень ласковое море. В Шарм-эль-Шейкхе очень сочные звезды. Сумерки наступают быстро и безболезненно: солнце едва успевает позолотить вершины гор на западе и через несколько мгновений все кончено – меркнут краски коралловых кущ под ногами и зажигаются звезды в млечной дали над головой. Два моря, небесное и земное, сливаются воедино. Заканчивается многобожие и начинается вера в Творца единого, всемогущего и вездесущего. Известный постулат древнеегипетского бога Тота (он же Гермес Трисмегист) «что наверху, то и внизу» безраздельно вступает в свои права, еженощно, год за годом, доказывая свою непреходящую актуальность.

Солнца не стало, но звезд на небе столько, что оно не в силах их удержать! Метеоры срываются вниз, словно капли с крыши сразу после дождя. Желаний не хватит, если следить за каждым звездным падением. И все же, несмотря на столь ощутимые потери, далекие светила продолжают сверкать несметными драгоценными россыпями чистейших бриллиантов на черном сукне.

Я стою на вершине горы Моисея и жду солнце. До восхода остается еще час с небольшим, но желающих приобщиться к одному из ветхозаветных таинств, набралось уже предостаточно. Рядом со мной сгрудились в кучку говорливые итальянцы. Было зябко, семь потов, сошедшие доселе при восхождении, превратились в холодную испарину и нещадно мучили тело ознобом; мои соседи то и дело старались поплотнее запахнуться в тонкие, накинутые на плечи, одеяльца, дружно кляцали зубами и дрожали от забористой предрассветной прохлады, словно макароны в кипятке.

Видел бы нас Моисей, жалких своих последователей! Восемьдесят лет было старику (по Библии), а он четырежды взбирался на гору. Шел ли под палящим солнцем, или пробирался в густой ночи при свете коптящего факела, во власти тишины и своих молитв к единому и лишь ему понятному Богу. Нас же было много. Карбкались кто за чем: одни в надежде приобщиться к истокам бессмертных «десяти заповедей», другие – просто отметить в известном месте. О мистическом предчувствии чего-то особенного не могло быть и речи. И спереди, и сзади слышались приглушенные голоса, хрустел щебень под ногами, цепочки огоньков от карманных фонариков походили на крадущихся в небо светящихся змей. Я почти физически ощущал, как множество невидимых человеческих тел взбаламучивают ночную мглу. Мало того, приходилось без конца сторониться и уступать тропу верблюдом, что вели под узцы неразлучные с «кораблями пустыни» бедуины. Ленивые паломники вальяжно переваливались на верблюжьих спинах в такт их походке и лихо при этом, удовольствия ради, разгоняли пеших повелительным свыше «Ка-мель! Ка-мель! А-тан-сьон, ка-мель!». Раза два по дороге попадались устроенные предприимчивыми бедуинами некие подобия забегаловок, под брезентовым

навесом на десяток посетителей, и тогда проходящих мимо обдавало ароматами кофе вперемишку с тягучими арабскими мелодиями из шипящего помехами радиоприемника. Многие (да и я в том числе!) щедро чертыхались про себя и вслух, измученные тяжестью подъема, но, в общем-то, это здоровый признак; за время восхождения так устанешь поминать черта, что, достигнув цели, истинно подумаешь о Боге. Уже на подступах к вершине наш гид показал нам место, где, по его словам, упал в пропасть и насмерть разбился русский кинооператор из съемочной группы Дмитрия Крылова, ведущего «Непутевых заметок». Я слышал про эту историю. Правда, наш «Ваш Д. К.» оказался здесь непричем. Случилась сия неприятность с Андреем Талалаем из «Клуба кинопутешественников». Он действительно сорвался со скалы, когда пошел выбирать место для съемки, но, к счастью, остался жив, а вот ногу сломал серьезно. Отрадно другое, жить он теперь долго будет, коли про него такое говорят. А за Сенкевича обидно! Поскольку столь популярную на горе Моисея историю про «гибель» русского кинооператора все, от самого начитанного гида до самого последнего бедуина с верблюдом, приписывают не команде седовласого академического «Клуба», а шустрим «Непутевым заметкам». Даже в святых местах рейтинг – великая сила. Одним словом, наше восхождение было обычным туристическим маршрутом – на вершине горы предстояло встретить восход солнца, а затем спуститься и посетить старейший православный монастырь Святой Екатерины. За его стенами до наших дней сохранились знаменитый колодец, у которого Моисей в самом начале своего бегства на Синай разогнал невежливов пастухов и познакомился со своей будущей супругой Сепфорой, дочерью местного священника Рагуила (или Иофора), а также терновый куст, та самая «неопалимая купина», в пламени которого возник Ангел Господень и Бог объявил Моисея своим избранником освободить любимый Им народ от египетского плена и привести его в Землю Обетованную.

Монастырь Святой Екатерины и впрямь необычное место! Одинокое стоит он в узком ущелье, отгородившись от мира высокими неприступными стенами, издали почти неотличимый от скал, что нависают над ним с двух сторон. В самом начале своего пути на гору его расплывчатая громада явилась мне в образе «летучего голландца», без каких-либо признаков жизни рассекающего безбрежные ночные просторы. В ту минуту тела монахов уже мирно покоились в своих кельях, казалось, бодрствовал лишь Святой Дух и незримо клубился над спящим монастырем. Непроглядная пелена мрака быстро сомкнулась над ним, и он исчез, вроде и не было его совсем, но ощущение видения осталось как напоминание, что иду я не обычной тропой. Это даже не тропа, это – стезя, лестница, устремленная в небеса, в самую обитель звезд, навстречу новой жизни и новому солнцу – Солнцу Моисея...

К личности самого Моисея слишком много вопросов.

Вопрос первый, а существовал ли Моисей на самом деле? Мэнли Холл, автор «Энциклопедии тайных учений», обзовем ее так, поскольку название его труда столь же объемисто, как и сам труд, приводит мнение другого ученого, Томаса Инмена, который отказывает Моисею во плоти и крови и считает его мифологическим персонажем, умышленной выдумкой истинных составителей Пятикнижия – первых пяти Книг Ветхого Завета, якобы принадлежащие перу и слову самого Великого Законодателя Израиля. Составители эти жили, естественно, много позже описываемых событий и в образе Моисея подарили нам еще одну трактовку столь популярного в древности мифа о Солнце. Инмен переставил в слове «Моисей», написанном по-древнееврейски, две буквы и получил другое слово – «Шеммах», что означает «небесный свод». Упоминания имени Моисея в источниках о раннем Иерусалимском Царстве, он не без основания считает последующими вставками переписчиков истории, дабы наделить осведомленностью о нем головы легендарных царей израильских – Давида и Соломона, а заодно – и

всех прочих, кто за ними. Сам Мэнли Холл не согласен с Инменом, он считает Моисея исторической личностью, представителем некоей тайной школы, что несли «примитивным» народам свет Истины и приобщали – сначала пряником, а потом кнутом – к благам цивилизации.

Поэтому поговорим о живом Моисее.

Библия крайне скупа на описания. Она лишь сообщает нам, что после смерти Иосифа для народа Израиля настали суровые времена. Умер прежний фараон и на смену ему пришел властитель «не знавший Иосифа». Убоялся он силы и численности израильтян, что с охотой селились в прежние годы в изобилующей пастбищами дельте Нила, в земле Гесем, ибо «если будет война, сыны Израиля могут вступить в союз с нашими врагами и тогда победят нас и уйдут от нас» (Исх. 1:10), и решил отправить их на строительство двух городов, там же в Дельте, – Пифома и Раамсеса. Надо сразу сказать, что основание этих городов историки относят к периоду правления Рамсеса II (1298 – 1235 гг. до н.э.) и именно ему приписывают славу фараона «не знавшего Иосифа». Он неоднократно воевал Сирию и Палестину, где подавлял восстания семитов, поэтому нет ничего удивительного в том, что заодно он решил известить «пятую колонну» в пределах собственного государства.

Будучи скотоводами, израильтяне не привыкли «к изнурительной работе с кирпичом и известью и к тяжелой работе в полях» (Исх. 1:14). По сути дела, они превратились в рабов и подневольный бесконечный труд многих из них преждевременно свел в могилу. Особенно это касалось мужчин. Мало того, фараон издал указ, по которому всех вновь появившихся на свет мальчиков в израильских семьях надлежало бросать в Нил. Только девочкам давалось право на жизнь.

И вот в семье одного израильтянина по имени Амарам родился младенец. Видя, как красив новорожденный, мать три месяца скрывала его от посторонних глаз, по истечении же этого срока она сделала корзинку, обмазала ее смолой, чтобы внутрь не проникала вода и та смогла держаться на плаву, и, положив туда, свое бесценное дитя, оставила его в зарослях тростника на берегу реки. Спустя какое-то время на это место пришла дочь фараона со своими служанками. Они услышали надрывный детский плач и увидели лежащего в корзинке беспризорного малыша. Дочь фараона сразу определила, что бедное дитя еврейской крови и закон требовал его немедленно утопить. Но Фермуфис (так ее звали) была бездетна, сердце сжалось над невинным младенцем, и она велела взять его во дворец, чтобы усыновить.

Тем временем, сестра Моисея, будущая Мариам Пророчица, поскольку именно она предсказала ему при рождении свершить великие дела, хотя до этого отцу Моисея уже случился сон с явлением Господа Бога и словом Его, что вскоре будет у него сын, который избавит народ Израиля от невзгод; так вот, Мариам все это время сидела в кустах и наблюдала за описанной выше сценой. Едва она поняла, что брату ее ничего не грозит, то вышла из своего укрытия и предложила Фермуфис найти еврейку, которая могла бы ухаживать за малышом. Получив согласие, она привела свою мать. «Возьми этого ребенка и вскорми его для меня», – сказала матери дочь фараона. – «Я заплачу тебе за это» (Исх. 2:9). Когда мальчик немного подрос, Фермуфис нарекла его Моисеем (Моше), именем производным от еврейского «машах», что означает «вытаскивать», ибо она достала его из воды.

Надо сказать, что современные ученые не разделяют библейского толкования. Например, Майкл Грант в «Истории Древнего Израиля» однозначно уверен, что имя будущего пророка не иудейское, а египетское, от слова «месу» – дитя. Оно говорит о родовой принадлежности – «сын того-то», «рожденный тем-то», часто перед ним ставилось имя одного из египетских божеств, например, Рамсес – «сын бога Ра», Тотмес – «сын бога Тота». Таким образом, по

Майклу Гранту, первоначально имя Моисея имело предшествующий слог в виде имени какого-то бога, впоследствии отброшенного, когда Моисей повел свой народ в пустыню.

С другой стороны, теолог Эдуард Шюре в «Великих посвященных» делится с нами знанием египетского имени Моисея и при этом он ссылается на жреца Манефона, чей первый и достоверный труд о династиях фараонов дошел до нас в пересказе античных авторов. До бегства на Синай Моисея звали Хозарсиф и был он родным, а не приемным, сыном дочери Рамзеса II. Что касается имени, то Хозарсиф назвал себя Моисеем самолично, будучи уже на Синае. Под влиянием того, что ему открылась истина о едином Боге, Хозарсиф провозгласил себя Моисеем, т. е. «спасенным».

Немало претензий и к сюжету с корзиной в зарослях тростника. Вернер Келлер в книге «Библия как история» обзывает его «очень древней семитской народной сказкой» и в качестве довода приводит точно такой же – об основателе семитской династии в Аккаде (Междуречье) царе Саргоне, а он был старше Моисея на тысячу лет. Как мы увидим в дальнейшем, много похожего в рассказе о появлении Моисея на свет с мифом о воскресении египетского бога Осириса, вернее, как его, рождение Моисея, то есть, толкуют в Библии и других источниках, что говорит о слиянии семитской сказки с египетским мифом.

Далее в Ветхом Завете перед нами предстает уже взрослый Моисей. Согласно Священному Писанию, он изначально чувствовал свою единокровную связь с нещадно угнетаемым народом Израиля. Сердце его переполнялось болью, а разум – гневом. И вот однажды, когда надсмотрщик особенно жестоко избивал изможденного непосильным трудом иудея, он не выдержал и убил изверга. Моисей закопал его в песке, чтобы скрыть следы преступления, но фараон все равно прознал о содеянном. Спасаясь от неминуемой казни, Моисей убежал и скрылся в земле Мадямской (нынешний Синайский полуостров). Было ему тогда, по той же Библии, от роду сорок лет.

Вот, пожалуй, и все. Далее следует описание его пребывания на Синае в течение следующих сорока лет. Куда более словоохотлив о первом жизненном отрезке Моисея Иосиф Флавий. В своих «Иудейских древностях», помимо сна Амарама, он ведает нам о том, как Фермуфис привела его, чуть подростка, к своему отцу с просьбой сделать своего приемного сына наследником египетского царства. Фараон, желая выказать свое расположение к дочери, взял юного Моисея на руки, а тот, видимо, решил пошалить и, недолго думая, стащил с головы фараона корону, швырнул ее на землю и стал топтать своими ножками. Многочисленные дворцовые прорицатели тут же сочли это событие дурным предзнаменованием. Особо ретивые даже потребовали немедленно убить ребенка, ибо усмотрели в сем деянии скорое унижение для Египта. Спасла Моисея опять-таки Фермуфис. Фараон не рискнул идти против дочери, хотя с той поры и пребывал в постоянном раздумии.

Интересное отступление. Если верить Фоме Неверующему (не герою детского стихотворения, а философу, жившему в 200 г. н.э.), Иисус из Назарета в детстве также отличался довольно-таки крутым нравом, «проклиная и ломая все, что сердило его». Видимо, это особая печать всех пророков, в подражание подхваченная и остальными – сначала наломать дров, а потом из этих дров строить храм. Ну, да ладно.

Иосиф Флавий также отмечает скорое, не по годам, умственное взросление Моисея. С малых лет он поражал мудрецов своими зрелыми поступками и те пророчили ему в возмужалом возрасте совершить немало необычайных дел. Едва Моисею минуло три года, а он уже приводил в изумление окружающих своим ростом и необычайно милостивым лицом. Тут прослеживается явная переключка с древнеегипетским текстом «Сказание о Сатни». Во второй его

части рассказывается о некоем Са-Осирисе, приемном сыне Сатни Хаэмуаса (Хаэмосеса), в то время как сам Сатни Хаэмуас – четвертый сын нашего Рамзеса II. В Са-Осириса воплотился сам бог Гор или волшебник с таким же именем, дабы спасти египетскую землю от африканских колдунов. Моисей, в свою очередь, тоже ведь появился на свет, чтобы избавить народ израильский, на сей раз от самих египтян. Как и отцу Моисея, Амараму, Сатни Хаэмуасу приснился сон и божественный голос сообщил ему имя будущего ребенка – Са-Осирис, что значит «сын Осириса», и «огласил весь список» его грядущих великих свершений. Подобно Моисею, он рос «не по дням, а по часам», мудростью превзошел всех египетских ученых и жрецов, много чудес сотворил, наподобие тех, что в Библии прозвали «десятью казнями египетскими», главное же – защитил страну от африканских колдунов, а затем – сгинул на глазах у всего царского двора. А может просто, по примеру Моисея, сбежал на Синай. Кому же принадлежит истинное первенство в этой истории – Са-Осирису или Моисею, или оба этих персонажа – одно и то же лицо – предмет одних догадок, не более.

И снова в жизнеописании Моисея наступает пробел. Есть свидетельства, что Моисей был посвящен в жреческий сан и стал служить Осирису, причем добился на этом поприще очень больших высот, чуть ли не статуса Верховного Жреца. По-крайней мере, на это ссылается исследователь тайн древних цивилизаций Грэм Хэнкок в «Ковчеге Завета». Эдуард Шюре склонен думать, что Фермуфис сызмальства сама отдала его на воспитание храму. В конце концов он стал священным писцом храма и смог приобщиться к тайным жреческим знаниям. А далее, все по тому же Иосифу Флавию, Моисей, сам не желая того, получил возможность проявить себя как выдающийся полководец и дипломат в войне против Нубии (в Библии – царство Куш).

Сколько Древний Египет себя помнит, его грозный южный сосед не давал ему покоя своими стихийными набегами, а позже – хорошо организованными, зачастую победоносными, военными компаниями. Египтянам беспрестанно приходилось усмирять своевольных нубийцев. Одна из самых загадочных стран древности занимала внушительную по тем временам территорию вдоль течения Нила от современного египетского города Асуана до столицы Судана – Хартума, там, где сливаются в единую реку Нил Голубой и Нил Белый. Это около 1600 км. Кстати, настоящих нубийцев можно встретить и по сей день в том же Асуане, правда, они уже не натягивают своих тугих луков и не поражают египетских воинов меткими стрелами (в Древнем Египте одно из прозвищ Нубии было «Та-Сети» – «Земля луков»), а мирно служат гребцами на парусных лодках-фелюках или стюардами на круизных судах. Зная чуть-чуть историю их предков, непривычно и даже печально наблюдать самих нубийцев в такой роли.

Легендарный Гомер говорил о Нубии, как о колыбели многих цивилизаций. Населявшие страну люди, по мнению поэта, слыли любимцами богов настолько, что обитатели Олимпа не гнушались принимать участие в их земных пирах. Диодор Сицилийский (100 г. до н.э.) уважительно называл Нубию источником египетской цивилизации. Древние греки знали ее как Эфиопию – «Страну обожженных лиц». Тот же Диодор не сомневался, что сами египтяне были родом из этих мест, как и наиболее почитаемый ими бог Осирис со своей супругой Исидой, поскольку лики обоих были смуглы.

Очень может быть, что влияние нубийцев простиралось и в самое сердце Эфиопского нагорья, туда, где берет свое начало Голубой Нил. С таянием снегов воды его набирали силу и в избытке приносили на египетские поля плодородный ил. Грэм Хэнкок не исключает даже такой возможности, что нубийцы при желании могли управлять уровнем воды в Голубом Ниле с помощью специально построенных плотин, и тогда в Египте наступали нелегкие времена – от нехватки ила в стране случался неурожай, уровень воды в реке падал и она «зацветала», становясь при этом красной, точь-в-точь как в одном из Моисеевых «чудес». Хэнкок даже

предположил, что Моисей прознал об этом, когда победоносно воевал в Нубии и уже много лет спустя сотворил египтянам «чудо», послав к тем плотинам лазутчиков с поручением их перекрыть.

Но не только полноводие Нила беспокоило Египет. По территории Нубии проходил важный торговый путь, по которому доставлялись золото, слоновая кость, черное дерево, а также ладан и благовония из загадочной страны Иам. Местоположение этой страны не установлено, но, возможно, что находилась она где-то на Африканском Роге, чью территорию делят сейчас Эфиопия и Сомали. Некоторые исследователи считают, что Нубия (Та-Сети) и Иам – два названия одной и той же страны, однако в найденных документах египтяне говорят о первой в весьма нелестных выражениях, в то время как вторая – всегда верный союзник и надежный торговый партнер.

Нубийцы выступали в роли посредников, обеспечивая бесприпятственный (а зачастую – и нет) проход караванов по своей земле. Понятное дело, что такая зависимость от третьей стороны мало устраивала Египет и около 3100 г. до н.э., когда Верхнее и Нижнее египетские царства сплотились в единое государство, оно в итоге покорило Нубию. Но воинственный дух нубийцев при этом не угас – Египту приходилось держать усиленные воинские гарнизоны на своих южных рубежах и использовать их в частых мелких стычках или отражать серьезные попытки Нубии вернуть утраченное влияние на своей земле.

Одна из таких попыток как раз и произошла в годы правления Рамзеса II. Об этом нам сейчас напоминает величественный храмовый комплекс в Абу-Симбеле в 200 км к югу от Асуана. Якобы в ознаменование своей победы над нубийцами, Рамзес II и повелел воздвигнуть эти храмы. Однако, любой уважающий себя гид тут же не применит заметить, что в общем-то не совсем ясно, кто кого победил; нубийцы молчат, а египетские хроники, как всегда, однобоки. Этаким прообраз будущего Бородинского сражения – битва есть, Москва взята, победителя и побежденных нет.

Впрочем, вполне возможно, что молодой Моисей мог возглавить тот самый поход, по завершении которого был построен Абу-Симбел. Иосиф Флавий сообщает нам, что эфиопы (нубийцы) прорвались на юг Египта, стали разрушать укрепления, угонять скот, что многие египтяне полегли в битвах, а те, что остались живы, ударились в бегство. Так бы и бежалось им до самого Мемфиса (по современному – до Каира), если бы не Моисей. Придворные прорицатели доложили фараону, что боги посоветовали обратиться за помощью к евреям. Фараон, не долго думая, призвал Моисея на защиту Отечества и поставил его во главе своего войска.

Есть вероятность, что такой «совет богов» был обычной провокацией по отношению к Моисею со стороны приближенных фараона в надежде, что Моисей осрамится на посту военачальника и у них появится благовидный предлог предать его смерти. Или, на худой конец, какой-нибудь удалой нубиец сразит его меткой стрелой.

Сказать, что древние египтяне недолюбливали израильтян, значит – ничего не сказать. Они их презирали. И Библия, и Иосиф Флавий, и другие источники не раз почеркивают такое отношение. Но чувство это вовсе не зижделось на расовой принадлежности. Так элитная, посвященная во все таинства неба и земли, высокоразвитая египетская цивилизация, очень, мне кажется, чутко ощущавшая свое мессианское предназначение для всей остальной Ойкумены, пренебрежительно относилась к любому кочевому народу (каковым в то время и были израильтяне), считая их ни на что ни годными, разве что орудовать мотыгой в полях, таскать кирпичи, да месить известь для священных построек. Даже чистокровные египтяне, пастухи свиней, принадлежали к касте отверженных. Недаром Моисей повел свой народ в Землю Обетованную для оседлой жизни, чтобы сделать его равным египетскому. Из Первой Книги Мои-

сеевой мы помним, что Каин обрабатывал землю и построил город. Хотя он и совершил несмыслимый грех – убил своего брата Авеля, по мнению Моисея, у него не было иного выбора, скотовод должен был умереть, ибо он по своей сути разрушитель, а не созидатель. Моисей еще раз напоминает своему народу о его славном, но хорошо забытом земледельческом прошлом в истории с Ноем. Сразу после Потопа Ной ведь не овец пошел пасти, а посадил и вырастил виноградную лозу, наделал вина, ну и..., в общем, напился.

В не слишком далекие от эпохи Моисея лета случилось еще одно событие, которое египетские хроники старательно обходили стороной, хотя последствия его растянулись на долгих полтора столетия. В конце XVII века до н.э. в египетские пределы из Палестины вторглись воинственные семитские племена кочевников-гиксосов. Фараон был низложен и бежал на юг, в Фивы (современный Луксор), а страной стали заправлять ненавистные иноземцы. Только в 1580 году до н.э. Египет изгнал гиксосов и вернул себе независимость.

Возникает законный вопрос, могло ли лицо семитской крови занимать ответственный пост в египетском государстве? Другими словами, а был ли Моисей евреем от рождения или все-таки египтянином, перешедшим в еврейство на момент Исхода ради пользы задуманного? Нельзя забывать, что он значился очень высокопоставленным сановником, чуть ли не наследником престола. Для обретения сана жреца Осириса требовалось пройти множество проверок и посвятельных испытаний и затерять тайну своего происхождения было практически невозможно; жрецы исправно следили за родословными «высших слоев общества».

Если верить Эдуарду Шюре, что Моисей был родным сыном дочери фараона, то, да, Моисей несомненно египтянин. Однако из Библии мы знаем о другом прецеденте. Речь идет о судьбе Иосифа, сына Иакова (Израиля) от Рахили. Завистливые братья продали его в рабство, но благодаря способности истолковывать сны, он помог фараону спасти страну от голода, когда разгадал его сон про «семь тучных и семь тощих коров», чем тут же возвысился до уровня наместника фараона, читайте – его правой руки. Как справедливо подчеркивает Вернер Келлер, в обычном Египте такое было бы немислимо. В гиксосский период – вполне вероятно. В Библии упоминается, как Иосиф ездил во второй колеснице фараона, а ведь до нашествия гиксосов египтяне не пользовались колесницами. Но сам Вернер Келлер не видит себя среди сторонников этой точки зрения и тоже вполне справедливо. Слишком далеко по времени отстоит эпоха гиксосов от эпохи Моисея. Первые потеряли власть, как уже отмечалось, в 1580 году до н.э., а второй вершил свои великие дела в 1300 – 1290 гг. до н.э. В данном случае 300 лет – очень большой срок, ведь Моисей выходит на сцену чуть ли не сразу после кончины Иосифа. К тому же есть документальные свидетельства, что первые влиятельные азиаты появились как раз при дворе фараонов из династии Рамессидов (XIII – XII вв. до н.э.). Много неточностей заметили исследователи и в описании посвящения Иосифа на высокий пост наместника фараона. То, как она изложена в Библии, вообще более свойственно VIII веку до н.э. Титул Потифара, в рабство которому был продан Иосиф, в русском варианте Библии звучит как «начальник телохранителей фараонов», а в оригинале – как «евнух». Должности же евнуха не было в Египте до персидского завоевания, а это уже 500 год до н.э. Ну, и так далее.

С другой стороны, такая разносортница атрибутов различных и далеко отстоящих друг от друга эпох лишней раз доказывает, что истории Ветхого Завета писались не по горячим следам. Библия ведь не хронологический документ, а литературное произведение. Некоторые считают Библию, очень разумно, надо заметить, зашифрованным сборником мистических ритуалов и алхимических изысканий, красочно упакованных в обертку из имевших место исторических событий. Книги Ветхого Завета в своем окончательном виде, близком к современному, сло-

жились, по видимому, во II веке до н.э. Они не раз переписывались и каждый новый автор неминуемо оставлял отпечаток современной ему эпохи в своем труде. Нет ничего удивительного в том, что Моисей действительно жил в годы правления Рамсеса II, а Иосиф занимал свой высокий пост тремя веками ранее. В конце концов, Моисей в своей генеалогии или те, кто делал это за него после его кончины, могли скостить три столетия, разделяющие двух патриархов для обеспечения преемственности. Не знавшим грамоты, не имевшим собственной истории евреям-пастухам ничего не оставалось, как принимать на веру то, что им говорят ученые люди, тем более поставленные властвовать над ними. Как мы видим, уже в те далекие времена Моисей или его ранние биографы с успехом применили метод новой датировки исторических событий, ныне связанный с именем академика Анатолия Фоменко, согласно которому давние свершения на жизненном пути Человечества – не столь уж и давние, а результат умышленного (или недобросовестного) одревления со стороны первых летописцев.

Моисей, кстати сказать, предвосхитил не только метод Фоменко. Он еще стал внедрителем (да позволится мне такое слово!) столь милого каждому современному туристу понятия, как «шведский стол». В изложении Иосифа Флавия, будучи уже на смертном одре, Моисей наказал своему народу: «Равным образом не должно препятствовать путешествующим, будь то туземцы или иностранцы, пользоваться зрелыми плодами, но позволять им брать эти плоды и насыщаться ими; хозяева даже должны быть рады, что могут предоставить путникам такое пользование зрелыми плодами. Впрочем, путешественникам не дозволено забирать с собой запасы таких плодов». Вот вам классический «шведский стол»! В ресторане отеля ешь сколько хочешь, на вынос – ни-ни! Если, конечно, не уподобляться украинскому герою одного популярного анекдота: «Що нэ съэм, як понадкусываю...»

Но вернемся к Моисею времен его эфиопского похода. Здесь он проявил себя, как отменный стратег. Это качество он потом не раз демонстрировал все сорок лет Исхода. Стремясь обеспечить внезапность своего появления перед противником, Моисей отправил войско по суше, а не морским путем. Кроме того, он благоразумно позаботился о безопасности своего войска на марше. Места, по которым проходила армия, кишмя кишела всякими опасными тварями, особенно змеями. Моисей приказал взять с собой достаточно ручных ибисов – длинноклювых птиц, завидя которых, змеи пускались наутек. Тех, кто не успевал скрыться ибисы с превеликим удовольствием пожирали.

Подстать змеям были и нубийцы при появлении Моисея. В результате его войско довольно-таки скоро добралось до Мероэ – столицы Нубии, что располагалась между 6-м и 5-м нильскими порогами в 200 км к северу от Хартума. Город был крайне неудобен для штурма. Он стоял на острове посреди реки и помимо неприступных стен окружался еще искусственными валами. И тут Моисей открыл в себе дар искусственного политика и дипломата. Дело в том, что красотой и храбростью Моисея была сражена дочь местного правителя Фабрис. Она влюбилась в него без памяти, а Моисей не преминул воспользоваться такой возможностью избежать дальнейшего кровопролития, сыграл свадьбу с Фабрис, город сдался ему на почетных условиях и, овеянный славой, он повел свои войска обратно в Египет.

Итак, Моисей женился на нубийской принцессе. Подобный брак был возможен только в том случае, если властитель Нубии считал Моисея равным себе. Значит, Моисей на самом деле воспринимался тогдашними союзниками и недругами Египта в качестве претендента на корону.

Однако по возвращении в Раамсес, Моисея ждала немилость. Его придворные враги пуще прежнего стали нашептывать фараону, что Моисея следует умертвить, поскольку он, чего доброго, задумает свергнуть любимого богами властелина, возгордившись своими успехами. Фараон уже и сам подумывал об этом, по словам Иосифа Флавия, из-за зависти к его победам. Моисей и тут оказался не промах, он вовремя узнал о готовящемся против него заговоре, и, не раздумывая, бежал на Синай. Взял ли он с собой свою молодую жену, ни Библия, ни «Иудейские древности» нам не сообщают и дальнейшая ее судьба нам неведома. Лишь один-другой раз она вскользь упоминается, когда народ, ведомый Моисеем, уже бродил по Синайской пустыне и без конца роптал, утомленный долгими и не совсем понятными для него скитаниями; Моисей же часто был близок к побитию камнями, и вот тогда сестра его, Мариам Пророчица, с укоризной припоминала ему женитьбу на эфиопке.

Эдуард Шюре считает, что «эфиопкой», которой пеняли Моисея, была не нубийская принцесса, а вторая Моисеева жена – Сепфора. Отец ее, первосвященник Рагуил, управлял на Синае храмом, в котором на долгие годы укрылся от египетского глаза будущий предводитель Исхода. Храм не подчинялся египетским жрецам и принимал паломников из разных стран. Стекались они отовсюду: израильтяне, арабы, вавилоняне, египтяне, жители юга Аравии и те же эфиопы. Храм служил Осирису, но в нем также поклонялись семитскому «Богу богов» Элу – позднее, общепризнанно считается, именно Он под именем Яхве и руководством Моисея повел Свой народ из Египта сквозь пустыню в Землю Обетованную. Храм, по мнению Эдуарда Шюре, изначально был эфиопским, а сам Рагуил – чистокровным выходцем из Эфиопии. Следовательно, дочь его и жена Моисея Сепфора и есть та самая «эфиопка», к которой питала неприязнь Мариам Пророчица. Вопрос «а была ли принцесса?», таким образом, повисает в воздухе. Допустим, была, тогда замечается упорная склонность Моисея к эфиопским женщинам, может, и он – эфиоп?.. В Библии на этот счет есть даже подсказка: когда Моисей после свидания с Богом и получения каменных скрижалей с «десятью заповедями» спустился с горы, лицо его оказалось сильно обожжено и светилось – это Бог прошел мимо и опалил его Славой Своей. Из-за этого Моисей остаток жизни ходил с накидкой на лице. Но мы-то не забыли, что греки прозывали Эфиопию «Страной обожженных лиц»! Есть ли здесь какая-то связь?.. Не знаю. По крайней мере, в православной Эфиопии и ныне проживает племя фалашей, оно единственное исповедует иудаизм, занесенный сюда во времена Царя Соломона и Царицы Савской иудейскими миссионерами. Они вроде бы искали похищенный Менеликом, сыном Царицы, Ковчег Завета, но не нашли; если верить Грэму Хэнкоку, Ковчег Завета и сейчас пребывает неподступно в Святой Святыни церкви Девы Марии в Сионе в эфиопском (опять-таки!) городе Аксуме. А вдруг скромные «обоженноликые» фалашаши не восприняли, а, наоборот, хранят тайну истоков веры Моисея?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.